

Марина Ивановна Маслова родилась в селе Покровское Октябрьского района Курской области. Окончила факультет русского языка и литературы Курского государственного педагогического института. Работала учителем. В настоящее время кандидат филологических наук, преподаватель церковно-славянского языка в Курской православной духовной семинарии. Автор монографии о творчестве М. Цветаевой, ряда научно-исследовательских работ, печатных трудов и многих литературно-критических публикаций в периодике. Член Союза писателей России. Живет в Курске.

Марина Маслова

ЧТО ПРОИЗОШЛО С ЛЮДЬМИ?

(О прозе Евгения Новичихина, представленной в «Антологии произведений лауреатов премии им. Е. Носова»)

С известным воронежцем, самобытным и актуальным писателем, бывшим главным редактором журнала «Подъём» Евгением Новичихиным довелось познакомиться сравнительно недавно. Лет пятнадцать назад начала публиковать свои статьи о курянах Борисе Агееве и Михаиле Еськове на сайте «Российский писатель» и тогда же, частенько заглядывая на страничку сайта, стала обращать внимание и на публикации других авторов из разных уголков России. Среди новых имен открыла для себя и Евгения Новичихина.

Остается лишь сожалеть, что до начала 2010-х годов у меня не возникало особого интереса к современной литературе. Да и прежде не было этой замечательной писательской площадки. Сайт «Российский писатель» начал свою работу с 2008 года, сегодня он носит имя своего основателя Николая Дорошенко (1951–2024), оставаясь одним из самых интересных литературных ресурсов.

Удивительно, что тогда же, в 2008 году, и я впервые обратилась к творчеству курян. Защитив в 2000 году диссертацию по творчеству Марины Цветаевой, поначалу продолжала читать лишь поэтов Серебряного века и прозу классиков. Настоящей и необходимой литературой мыслилось лишь то, что изучалось в школе и преподавалось в вузе. Писатели, живущие рядом или в соседнем

горде, в расцвете не принимались. Не возникло необходимости обращаться к творчеству современников в поисках ответов на вечные и неразрешимые вопросы человеческого бытия. А развернуться лицом к современной литературе и ее творцам неожиданно помогла политика государства. В соответствии с новыми тенденциями в системе образования в Курском университете вдруг озаботились региональным компонентом в преподавании литературы, и на кафедре филологии возник проект «Курский текст в поле национальной культуры». Меня пригласили принять участие в этом образовательном проекте. Тогда и были написаны первые статьи о современных курских писателях — прозаиках и поэтах, тогда же узнала и многих других здравствующих писателей России.

...Возможно, и в студенческие годы что-то читала из прозы воронежского автора, когда в библиотеке доводилось брать в руки журнал «Подъём». Но чтобы запомнить имя... Такого требовать от тогдашней студентки нельзя, мы в те поры штудировали Солженицына и Булгакова, «возвращенной» литературой зачитывались. Тогда и помыслить мне было невозможно, что через три десятка лет окажусь среди писателей и под одной обложкой с Евгением Новичихиным...

В 2022 году в Курске вышел очередной (и на данный момент — последний) сборник «Антология произведений лауреатов премии им. Евгения Носова» из серии «Школа мастера». Сборник дает более полное представление о творчестве лауреатов, а также служит популяризации художественного наследия самого Евгения Носова.

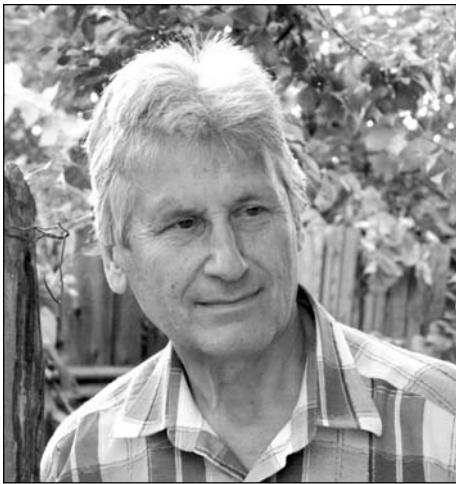
Антология предполагает серию выпусков и издается по заказу Министерства культуры Курской области. Уже изданы тома с произведениями победителей первых лет: Михаила Еськова, Бориса Агеева и Василия Алехина (2005), Сергея Щербакова, Алексея Шитикова и Юрия Першина (2008), Сергея Котькало, Валентины Коркиной и Евгении Спасской (2011), Николая Дорошенко, Ивана Зиборова и Татьяны Грибановой (2014), Юрия Асмолова, Николая Гребнева и Владимира Молчанова (2017). В издании 2022 года представлены победители шестого по счету конкурса — Евгений Новичихин, Марина Маслова и Николай Пахомов. Конкурс проводился в 2020 году, но из-за пандемии мероприятие не было доступно широкой аудитории, вручение дипломов лауреатов было отложено на неопределенный срок (и, к сожалению, так и не состоялось донныне). По тем же причинам замедлился и выпуск антологии.

Традиционно литературная премия имени Евгения Носова присуждается в трех номинациях, которые условно называют «первой», «второй» и «третьей» премиями. Номинации варьируются в пределах нескольких жанров: поэзия, художественная проза, публицистика, критика и литературоведение, краеведение и др.

В конкурсе 2020 года первая премия присуждена воронежцу Евгению Григорьевичу Новичихину за повести и рассказы о Великой Отечественной войне. Второй премии удостоена курянка Марина Ивановна Маслова за цикл произведений филологической прозы. Это работы на стыке жанров литературоведческой статьи и эссе. Термином «филологическая проза» обозначил произведения М. Масловой известный русский ученый-языковед А.Т. Хроленко, уделивший внимание ее творчеству в рамках проекта «Курское слово». Третья премия присуждена курскому прозаику, публицисту, краеведу Николаю Дмитриевичу Пахомову за книгу «Немеркнувший свет таланта», посвященную жизни и творчеству Е.И. Носова.

Из произведений поэта, прозаика, публициста и кинодраматурга Евгения Новичихина в антологии представлены повести «Жить долго» и «Черный клад», а также рассказы «Проклятие» и «Любовь лейтенанта Лаврентьева».

Особо выделяется здесь рассказ «Проклятие», который без глубокого проникновения в суть описанных событий может показаться предельно простым в своей нрав-

Евгений Новичихин

ственной коллизии. Однако на самом деле автор коснулся важной христианской проблемы — месть обидчику. Так что стоит рассмотреть эту вещь подробно.

Действие рассказа происходит во время Великой Отечественной войны в одной из русских деревень. На первый взгляд, тут история проклятия матери, которая, будучи сама на пороге смерти, узнала о том, что по доносу соседа ее сына повесили фашисты. Умирая, она твердила молитву, которую напуганные бабы, не разобрав слов, приняли за проклятие. И пошло по селу известие, что Тимофей проклят за Степана.

Автор показывает, как меняется судьба человека, когда люди отшатываются от него. Проклятие начинает «работать». На девятый день после кончины бабы Серафимы нечаянно погибает предатель Тимофей, через время, не стерпев людского презрения,

повесился и его сын Федька. Казалось бы, злодеи наказаны, справедливость возторжествовала. Только возникает вопрос: а стоило ли ради такого очевидного — в каком-то смысле, даже примитивного — конфликта сочинять рассказ? Ведь не будем же мы говорить о нравственности там, где происходит просто «механический» обмен ненавистью и гневом. Значит, здесь не все просто.

Фабула схематически такова: один согрешил предательством, второго по его вине казнили, третий проклял согрешившего, в итоге весь род проклятого прекратил существование. Все. Поучительная история, и не более того. И, между прочим, рассказов таких сотни бытуют в народе. В каждом русском селе есть похожие истории. Чаще, правда, они связаны с предательством веры — разрушением церковей и поруганием святых в эпоху разгула большевицкого террора. Сбросит сын колокол с разоренной колокольни — через время умирает мать или отец; принесет мужик домой каменную плиту для фундамента своего дома, выдрав ее из поруганного фамильного склепа у разрушенной церкви, — и вдруг жена его сходит с ума или дети тонут в реке, а дом вскоре сгорает. Односельчане в этих обстоятельствах видели возмездие Божье.

В рассказе Евгения Новичихина нет никаких нравственных комментариев — ни авторских, ни со стороны героев. Только «сухая» подача фактов: старуха шепчет «молитву», услышав о смерти сына; бабы слов не разбирают, им слышится проклятие; деревня отшатнулась от «проклятого» (кавычки у нас потому, что на самом деле имело место нечто иное).

Но зря ли автор трижды повторяет слова умирающей женщины?..

«Серафима снова помолчала, набираясь сил. Неожиданно ее голос зазвучал громче и отчетливее:

— ...беги отсюда... во ад кромешный... где твой настоящий приют... и тамо да обретайся...

Последние слова Серафима произнесла, уже совсем хрипя и задыхаясь:

— Слово мое... крепко... яко... камень... аминь... аминь... аминь...

При слове «аминь» Серафима попыталась поднять правую руку, чтобы совершить крестное знамение. Но рука тяжело опустилась на ее грудь. Серафима сделала еще один глубокий вдох, закрыла глаза и притихла.

Бабы тихонько заголосили. Эту голосьбу вдруг прервала Шарониха:

— Бабы, вы поняли, о каком диаволе говорила наша Серафимушка?

Бабы в недоумении открыли рты.

— Это ж она, — продолжила Шарониха, — прокляла Тимоху, прокляла весь его род! Все затараторили, согласно кивая головами:

— Прокляла, прокляла...

Всю ночь бабы просидели у кровати Серафимы. Молились Богу, просили Его о спасении души новопреставленной рабы Божьей Серафимы, об упокоении ее в селениях праведных. Читали псалтырь, плакали. Утром, выходя из хаты Степана, они увидели, что Тимофей, пользуясь случаем, передвигает свой плетень в сторону соседского огорода, снова устанавливая между в свою пользу. Не сговариваясь, бабы дружно, с отворачиванием плюнули в его сторону.

Днем, прощаясь с Серафимой на деревенском погосте, опять перешептывались о том, что покойная прокляла Тимофея и весь его род. Иные бабы, крестясь, даже повторяли слова Серафимы, которые им запомнились:

— Отыде, дьяволе, от храму и от дому сего... беги отсюда во ад кромешный, где твой настоящий приют, и тамо да обретайся...

Тело повешенного Степана все еще продолжало висеть на площади — для назидания и устрашения. Немцы разрешили похоронить его только через неделю.

В самом конце рассказа автор приводит еще раз несколько слов Серафиминой молитвы («нецерковной», как заметили набожные бабы, расслышавшие, что речь в ней о «дьяволе») и будто увязывает с ними судьбу рода Тимофея, предавшего своего соседа. Вот эти два заключительных абзаца рассказа:

«Так оборвались на этой земле последние следы рода Тимофея Еремеева.

“Отыде, дьяволе, от храму и от дому сего... беги отсюда во ад кромешный, где твой настоящий приют, и тамо да обретайся...”»

Таким образом, по какому-то своему замыслу автор трижды произносит в тексте рассказа фразу: «Отыде, дьяволе, от храму и от дому сего...» (по-церковнославянски правильнее было бы «отыди», поскольку здесь повелительная форма глагола с последующим обращением). Вероятно, в согласии с тем же замыслом придумано и название, кажущееся уместным и по сюжету само напрашивающееся: «Проклятие».

Однако же дело в том, что нет в этих словах никакого проклятия человеку. И читала Серафима вовсе не молитву, а так называемый заговор от дьявола и его духов. Откройте книгу «Тайны лечебной магии и народной медицины» — и встретите не один подобный текст (это не совет, а констатация факта). В том числе и тот, который произносит в рассказе умирающая. Евгений Новичихин приводит его в полном объеме, лишь разбивая на фразы в соответствии с ситуацией, где ослабевшая женщина едва находит силы произнести заклинательную формулу уже отказывающимся ей языком.

Вряд ли нужно уточнять, что молитва потому и называется так, что является молением о помощи и обращена к Богу и святым. К бесу же обращено не моление, а команда: пошел вон! Приведенный автором отрывок содержит характерное для заговоров обращение «Отыди, дьяволе!», обращение напрямую, без посредства Бога. Не всякому православному позволительно произносить подобные заклинания, уместнее читать молитву «Да воскреснет Бог!». Потому пришедшие к Серафиме набожные подруги и не поняли слов ее:

«Бабы стали переглядываться, пожимать плечами. Все они были богомольными, в церковь ходили постоянно, но никогда не слышали этой молитвы ни от отца Василия, ни от монашек».

Таким образом, автор сделал свою героиню немножко чернокнижницей, дерзновенно вступающей в противоборство с противником рода человеческого? Читателю оставлено право думать и так.

Бабы приняли за проклятие те слова, которые к соседу Тимофею не имели отношения. Мать отгоняла дьявола от дома своего сына (повешенного фашистами), куда

вскоре мог вернуться с войны ее внук. Она оберегала внука от жадности мести, изгоняя прочь виновника человеческой духовной нечистоты. И Николай вскоре вернулся. Даже после разговора с земляками, может быть, и узнав от них страшную правду, он приветливо поздоровался с Федькой — сыном человека, приговорившего к смерти его отца. То есть натуры он был незлобивой и мстить не собирался.

На сайте «Российский писатель» как-то был представлен выпуск журнала «Подъём» с публикацией рассказов воронежского прозаика и комментарием к ним: «Рассказы Евгения Новичихина “Косая” и “Проклятие” — о судьбах, исковерканных войной. Проклятие роду предателя никто не сможет отменить, но послевоенное время все-таки тянется к жизни, радости, а не мщению».

Здесь очевидно, что «проклятие» Серафимы принято комментатором всерьез. Однако истинный смысл проклятия заключался не в словах Серафимы, а в исковерканной завистью и предательством душе Тимофея. Серафима спасала, как умела, своего внука от гибели вечной, от смерти духовной. И то, что она произносит не каноническую молитву, а заговор на защиту дома от дьявола, показывает ее невоцерковленность, приверженность старинным народным поверьям. Не зря же автор рисует ее доброй сказительницей, к ней льнули деревенские дети, любившие слушать сказки. Можно представить, сколько преданий, поверий, заклинаний знала эта русская женщина с мягкой душой, так мирно отошедшей ко Господу (ведь не было слез, рыданий, обиды и гнева на соседа). Конечно, нам желательнее увидеть ее молящейся о спасении собственной души, если хотим мыслить ее христианкой. Но все же надо отдать ей должное — мужественная душа ее устояла перед соблазнами мщения, угли отгнанные не призывала она на голову Тимофея. Напротив, она решила прогнать дьявола, пленившего его мысли. Гнала беса вон и из своего дома, из тела, из храма своей души. И тем спасла внука, вернувшегося с медалями на груди и дружелюбно крикнувшего через плетень: «Привет, сосед!». Федька, сын Тимофея, не откликнулся на приветствие, затаил ненависть, как загнанный в угол волчонок, и тем погубил свою душу. Не снесла она тесноты своего мрачного телесного храма, поруганного бесами, и задохнулась...

Если же кто-то будет настаивать, что проклятие действительно было, потому, мол, и прекратился род предателя, тогда уместно напомнить о Божьем Промысле, о Божьем возмездии. Все произошло по воле Бога, а не по гневу Серафимы. Проклятие — это гнев, изливаемый в словах, в пожеланиях зла своему обидчику. А этого не было. «Мне отмщение, и Аз воздам» (Второзаконие, 32, 35) — могла и не знать этих библейских слов Серафима, но чувствовать она не могла иначе, если вверяла свою отходящую в мир иной душу Богу. Если же она действительно прокляла, нам тут не о чем больше толковать. И к Богу ее выскользнувшая из тела и обожженная гневом душа, может, и не добредет...

Наконец, и автор тогда ошибся. Текст предложенного им, придуманного для «молитвы» умирающей матери, заговора от бесов вовсе не годится в качестве проклятия. «Проклятие» это родилось в головах старух, не разобравшихся в происходящем у одра их подруги. А Тимофей хоть и подлый человек, а все же не дьявол... Заклинание коснулось его постольку, поскольку изгоняло беса из его души, но душа уже была отравлена, пленена — и ушла вслед за бесом...

Так что глубокий драматический конфликт рассказа Евгения Новичихина блестяще зашифрован автором в названии произведения, которое нельзя мыслить прямолинейно. Именно заговор несет в себе основную нравственную коллизию, требующую придирчивого осмысления. Не заметить его подспудную глубину — и рассказ потеряет художественную ценность. С подобной же ситуацией мы встречались в рассказе Валерия Латынина «Милосердие», где парадоксальный смысл заголовка обнаруживается лишь в самом конце повествования о девочке, спрятавшейся от полиции в будке волкодава. Читателю требуется даже некоторая пауза, чтобы, дочитав до кон-

ца, внезапно осознать, что милосерден здесь пес, а не человек. Тот же прием использован, к примеру, и в прозе курского писателя Геннадия Александрова: пока не дочитаешь его рассказ «Пес» — не можешь понять, отчего такое название и в чем суть конфликта. Речь автор ведет о девочке и убитой собаке, но «псом» в итоге оказывается забившийся в собачью будку односельчанин-полицай, окоченевший от холода и страха перед вернувшимися в деревню красноармейцами¹. Этот сюжет можно даже воспринять продолжением латынинского «Милосердия», доведением антитезы «псы» / «голуби» до крайней точки уподобления. А при этом и с прозой Евгения Новичихина тут неожиданная переключка по проблематике: девочка, поклявшаяся отомстить полицию за убитого пса, увидев его, деревенского соседа, в плачевном, почти нечеловеческом облике, сжалилась и отдала ему свой пуховый платок. Жажда мести не вспыхнула в ее душе, не ожесточила ее.

В свете таких наблюдений можно признать, что впервые художественно означенная курянином Николаем Гребневым эта антитеза «псов» и «голубей» (см. его рассказ «Псы и голуби»; у нем же и моя статья в следующем разделе названной выше Антологии) прирастает все новыми литературными фактами, подтверждающими правомочность подобной метафорической шкалы ценностей. Рассказ Евгения Новичихина «Проклятие» тоже вполне вписывается в эту парадоксальную ценностную систему. Ведь «голубиность» Серафимы могла бы оказаться сомнительной, прокляни она и вправду своего соседа. Называя свой рассказ «Проклятие», автор предлагает читателям глубоко задуматься над тем, что же действительно произошло с людьми.

Этот вопрос — что происходит с людьми? — уместен и по отношению к другим произведениям автора, представленным в Антологии. Что происходит с героем повести «Жить долго»? Осознание своего места в жизни, понимание предназначения своего на земле. Что происходит с героем рассказа «Любовь лейтенанта Лаврентьева»? Происходит возвышение души: он понимает, что не вправе предавать любовь Нины, погибшей на поле боя, когда выносила раненого бойца. А в повести «Черный клад»? Здесь тоже происходит преображение героев, обретение духовного наследия одним из них — «черного клада» родной дедовской земли.

Так что можно с уверенностью сказать, что проза воронежца Евгения Новичихина и сегодня продолжает оставаться особенно актуальной, давая нетривиальные ответы на самые трудные вопросы нынешнего беспокойного и противоречивого бытия.

□ □

---

¹ Курский журнал: стихи и проза Соловьиного края. 2021.